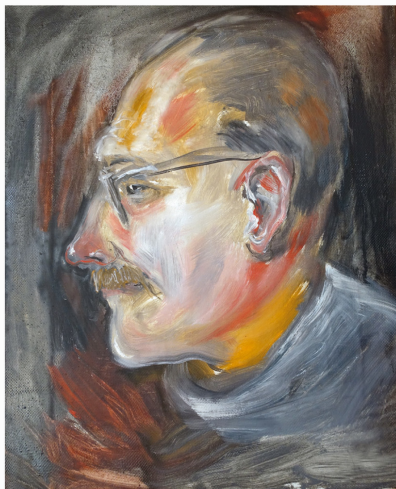


Иван Куницын

Жизнь Тевчий...



Иван Георгиевич Куницын Жил Певчий...

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48484080

Жил Певчий... / Иван Куницын: У Никитских ворот; Москва; 2019

ISBN 978-5-00095-887-2

Аннотация

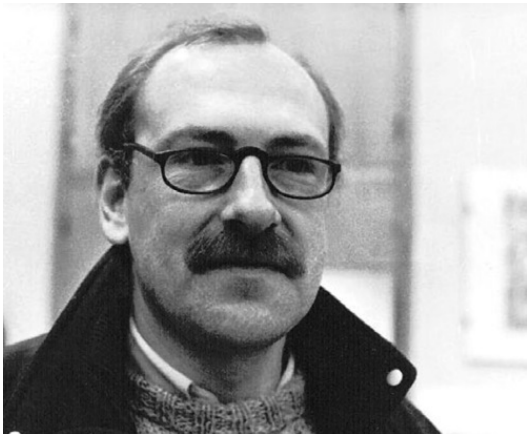
«Жил Певчий...» – единственная книга яркого и талантливого человека, писателя, журналиста, воина Ивана Куницына, составленная из всего, что удалось найти среди его бумаг, записей, дневников и компьютерных файлов после скоротечного ухода в 2015 году. Эта книга – горячее свидетельство пребывания в мире, попытка силой слова остановить драгоценные мгновения. Горячее – безоглядной искренностью.

Иван Куницын – младший сын легендарного профессора, доктора наук и академика РАЕН Георгия Ивановича Куницына (1922–1996), опального партийного работника ЦК КПСС, в 60-х годах, до опалы, успевшего помочь многим выдающимся творческим людям России, включая Э. Рязанова, Р. Быкова, И. Смоктуновского, Ю. Любимова, О. Ефремова, Л. Зорина... Именно благодаря усилиям и гражданской отваге Г.И. Куницына великий фильм Андрея Тарковского «Андрей Рублёв» был снят в 1966 году. И принёс мировую славу не только самому А.А. Тарковскому, но и всему отечественному кинематографу.

Сборник рассказов и миниатюр «Жил Певчий...» составлен и подготовлен к печати родным братом автора Владимиром Георгиевичем Куницыным, членом Союза писателей СССР с 1983 года.

Содержание

Предисловие	5
Щука	8
29 октября 1984 года	10
Ангольский дневник	11
Бабочки и вертолёт	35
Лики гражданской войны	48
Конец ознакомительного фрагмента.	53



Иван Куницын Жил Певчий...

Предисловие

У знаменитого грузинского режиссёра Отара Иоселиани есть фильм – «Жил певчий дрозд». Чудесный, даже волшебный фильм. Снят он в 1970 году совсем при советской власти, а рассказывал о молодом человеке, который жил как бы в мире вне классов и систем, вне идеологий – в вечном мире людей. И вообще – в вечном мире. Этот молодой человек работает в оркестре, его задача всего лишь два раза ударить в медные тарелки, в начале и в конце выступления оркестра,

и он добросовестно исполняет свою музыкальную задачу. Но в промежутках между этими ударами в тарелки – ускользает из театра, чтобы походя переделать много всяких маленьких, но всегда очень милых и добрых дел, почти не заметных для окружающих и совсем не заметных для него самого. Доброта его и желание всем чем-то быть полезным – и есть сама суть его существа. И приятен он, дорог нам как зрителям именно тем, что не осознаёт сам своего особенного очарования. Это осознаём мы, видящие доброту этого человека в самом её естественном проявлении.

Этот удивительный и даже прелестный фильм не был обласкан официальной властью. Но очень горячо полюбился тем, кто уловил в нём важное послание – душа человека важнее (о ужас!) любой исторической конъюнктуры, и даже больше того – её ценность не определяется социальной полезностью ни для общества, ни для государства.

Мне кажется, дорогой читатель, перед вами книга, которую создал человек, подобный герою Отара Иоселиани. Во всяком случае – родственная ему душа. Говорю так, потому что знал автора этой книги с рождения. Книгу эту, моего младшего брата, я составил из всего, что Иван написал за недлинную жизнь. Составил из «разбитых» осколочков этой жизни, запечатлённых братцем моим в свободном и абсолютно искреннем слове.

Это сравнение с героем фильма я сделал ещё и потому, что когда-то давно, обсуждая эту картину, мы оба с Иваном

обратили внимание на потрясающую и щемящую сердце деталь – единственное материальное воплощение коротенькой жизни музыканта в фильме – на бегу же скрученная из проволоки фигурка, которую он оставляет после своего ухода от друзей, и на которую они натываются случайно после внезапной и нелепой его гибели. Все же остальные проявления его доброй души – не имеют следа. Они, как дуновения ветра, не видимы глазу. И в этом такая печаль! И такое величие пребывания духа! Ведь получается в итоге, что незаметное и с виду очень скромное бескорыстие обладает неодолимой силой, как тот же свет или правда.

Что-то похожее случилось и с автором этой книги. Она тоже в определенном смысле – «проволочка», оставленная, почти походя, в разрозненных листах, рукописях, заметках, разлетевшихся по разным домам и жилищам, и вот, наконец, нашедших свой общий и единственный дом, в который мы имеем возможность войти. А хозяин покинул его навсегда, не дожидаясь гостей...

Владимир Куницын

Щука

Щука досталась нам подозрительно недорого – за два или два с половиной килограмма риса. Это была оглушительно чёрного цвета свинка, размером с маленькую собачку Щетинистая, тёпленькая, бойкая, непрерывно хрюкающая и визжащая – она была сплюснута с боков до узости фанеры. Потому и прозвали Щукой.

Щука поняла сразу, что попала она к нам на съедение. Но тут начались бои, мы пропадали в батальонах на передовой, рванул, наконец, грозами сезон дождей, удалось настрелять зайцев и антилоп, и про Щуку забыли.

Вспомнили, когда среди бела дня, не прячась и не делая вид, что тяжело больна, Щука выползла к нам из-под дома, дерзко хрюкнула и вызывающе села на худюшую задницу. От её разнузданной позы мы расхохотались. И вдруг кто-то ткнул пальцем – «ребята, да она пузатая»!

Свинка радостно взвизгивала, поворачивалась на своём малюсеньком хвостике по кругу и всячески показывала, что в брюшке-то у неё кое-что есть.

С едой в тот период опять было туговато, но Щука стала священной.

Разродилась она так же незаметно, как и жила, где-то под домом, и вывела на свет детёнышей, когда с едой у нас было уже совсем-совсем плохо.

Это маленькое неугомонное существо породило шесть чернущих крысо-свинок. Кормила она их с вызывающей весёлостью у нас на виду, раскинув ноги, и все они теребили её с обоих боков, как изголодавшиеся клещи.

Через неделю мы съели первого.

Щука пропажу не заметила и была, как обычно, весела.

Даже когда не стало пятого, она была беззаботна. Но когда мы забрали шестого, Щука исчезла. Один из наших охранников сказал, что видел, как она бежала в сторону ближайшей деревни – Шамутете.

Батальон «Буффало» в это лето обошёл нас стороной, и мы лишь изредка терзали друг друга боями с унитовцами.

И вдруг через месяц вернулась Щука.

Она ворвалась в нашу круговую оборону советников, через окопы, на жилую площадку и радостно расхрюкалась, тычась пяточком в ноги каждого.

Чем мы только её ни кормили и ни баловали, как только ни гладили и ни почёсывали. Щука была счастлива, безудержна и чувствовала себя в безопасности.

Она была с выпуклым животиком после путешествия в деревню и знала, что её эти небритые вонючие дядьки ещё долго не съедят.

За свою жизнь с нами она сходила в деревню ещё два раза.

29 октября 1984 года (из дневника)

После почти месячной нервотрёпки, самоедства и всё выжигающего презрения к себе за бессилие хоть как-то уменьшить количество оставленных грехов, выехал на действительную воинскую службу в Грузию, город Поти.

Очередной вираж, штопор, обрыв, трамплин, перелом – как угодно... Но ноет сердце не из-за крутой перемены, а, как ни странно, из-за бессилия переменить что-то, отломить, отбросить, очиститься. Слишком много долгов, невыполненных обязательств, примет полной или почти полной несостоятельности переполняют моё сознание, посылая импульсы в только что оставленную жизнь.

Эти импульсы-мыслишки как удивительно липкая паутина: чем больше от них отмахиваешься, вырываешься, пытаешься обмануть – приседая, прыгая, падая, прикидываясь ничего не замечающим – тем сильнее они обволакивают, нарастают, душат.

АНГОЛЬСКИЙ ДНЕВНИК

1985 год

10 марта

Итак, произошло то, во что я и не верил уже, точнее – во что устал верить, как устаёшь верить в мечту, когда вдруг осознаёшь, что неспроста на пути к её достижению встаёт что-то уж больно много непреодолимых препятствий.

Неужели я всё же преодолел тот страшный год, который с садистской издёвкой затоптал, казалось бы, до того скотского состояния, из которого и выхода-то уже не положено. Но, оказывается, преодолел, на самом излёте сил, но выскочил из мёртвой зоны.

И вот я в Луанде.

Я не верил в это, даже когда уже появилась внизу сильно гористая саванна цвета хаки, пальмы, какие-то очень прозаические многочисленные баобабы, милый сердцу ещё по Кубе краснозём полей и дорог, океан, спокойный, как Путяевские пруды, трущобы пригородов и чёрные фигурки людей иной расы. Не верил, потому что самолёт мог ещё неудачно приземлиться или по каким-нибудь фантастическим причинам ему не позволили бы сесть, или меня ждал бы в аэропорту какой-нибудь серый человек с папкой и мёртвыми глазами, который бы тихо произнёс мою фамилию, и стало бы ясно,

что всему конец.

Но самолёт сел, и встречали нас люди с нормальными озабоченными глазами, и окружающие меня соотечественники дружно и обильно потели всеми своими дебелыми, студенистыми зимними телами. Все советские, не сговариваясь, сбились в отдельную очередь на санитарный и паспортный контроль. Иностранцы говорливой разноцветной тоненькой струйкой протекали мимо невероятно чёрного пограничника в камуфлированной форме FAPLA, с невероятно ответственным видом отстукивающим печати в их паспортах. Эти обнажённые смуглые плечи, лёгкие майки, яркие платья, раскрепощённый смех представляли явный контраст с потной костюмно-галстучно-мокрорубашечной плотной, поругивающейся толпой, толкающей себя около пограничной стойки плечами и разгорячёнными боками.

13 марта

Режущий наотмашь по глазам свет, особенно неожиданный после сумрака аэропорта. Никакого досмотра, и даже квитки на багаж не взяли. Бери свои вещи или чужие, составленные около сломавшейся багажной ленты, и иди себе.

15 марта

На улице прямо под ноги бросается стайка чернущих ребятишек и, жалостливыми голосами приговаривая, что «мамы нет, папы нет», выпрашивают что-нибудь поесть. Сердо-

больные русские дяди начинают рыскать по сумкам и раздавать всякую съедобную мелочь, производя этим жуткую суету среди чёрных ангелочков, возбуждая среди них отнюдь не гуманные страсти. Начинаются мелкие стычки, которые тотчас же забываются, как только появляется новый кусок, чтобы потом вспыхнуть с новой силой.

В Луанде с продуктами туго, но и работать местное население совсем не желает. Трудно представить время, когда закончится, наконец, война, не на что будет списывать лень и ничегонеделание. Придумают ещё какую-нибудь причину лишь бы не работать.

Город удивительно грязен. И если обшарпанность в прошлом красивых домов можно объяснить недостатком материалов для ремонта, а землю на проезжей части – тропическими ливнями, то свалки на улицах и заметный слой консервных банок, бумаги, целлофановых пакетов и другой городской грязи можно объяснить лишь полным равнодушием анголан к месту, в котором они живут. Понятна поэтому и непосредственность, с которой они справляют любую свою нужду прямо на улицах.

17 марта

Миссия наша расположена в неплохом месте. Она занимает целиком верхушку небольшого холма. Подойдёшь к парапету, и – ощущение, что стоишь на крепостной стене: до ближайших коттеджей метров 200, овраг с землёй кирпичного

цвета. С двух сторон овраги, а прямо – океан. Вид хороший, а главное, продувается вся территория миссии. А вообще тесновато. От ворот в город до столовой, ограничивающей миссию со стороны океана, идёт аллея с манговыми деревьями и акациями, длиной метров 150. Слева и справа одно- и двухэтажные домики. Справа, на нижней террасе, небольшой сад с банановыми пальмами и тонкими стволами папайи, там же волейбольная площадка. Вот и всё. Если учесть, что выход в город запрещён, то территория эта до тоски тесная. Два шага – клуб, нищая библиотека, три шага – столовая, на втором этаже моего коттеджа – телевизор. Больше передвигаться некуда.

Когда ложишься на кровать, просто всем телом и мозгом чувствуешь непрерывный волнообразный гул и вибрацию. Это кондиционеры всех комнат дома, вошедшие в резонанс. Наверное, людей с плохими нервами это потихоньку могло бы свести с ума. Да и на нас, молодых, это наверняка как-нибудь влияет. Открываешь дверь комнаты, как будто проби- ваешь бочку – гул выходит. Закрываешь – и ощущение, что ты в каюте 3-го класса около машинного отделения большо- го корабля.

В столовой из-за стола отличная панорама через стеклян- ные занавеси: океан, пальмы, виллы и башни Луанды невда- леке, солнце и продувающий зал насквозь горячий ветер. А на стенах и колоннах застеклённые репродукции: снежные пейзажи, русская деревня, сосновый бор. Перед завтраком,

обедом и ужином на специальном столе выставляют большие суповые судки с охлаждённой водой. Все подходят со своими стаканами, черпают половниками, ищут, где похолодней. Обыденный ритуал.

19 марта

Morir no es mas que vivir de otra manera – Смерть – не более, чем смена образа жизни. Философия язычника-негра, да и язычества вообще, основанного на одухотворении всего существующего: людей, животных, деревьев, вод и молний, земли и света. Всё имеет продолжение во времени и пространстве. Поэтому не стоит торопиться, потому что ничто не пропадает, ничто не создаётся, всё только трансформируется.

Можно как угодно, по любым, самым изощрённым признакам подразделять людей. Но делятся они в своей изначальной основе всего лишь на два потока: тех, кто стремится к покою, и тех, кто стремится к совершенству.

23 марта

Вчера унитовцы в очередной раз подорвали опоры линии электропередачи, питающей Луанду. Город остался без электричества, а значит, и воды, света, телевидения. Война между ФАПЛА и УНИТой очень странная. Ощущение, что у них есть тайные договорённости о «не-уничтожении». Самая натуральная гражданская война: на одной стороне брат, на дру-

гой стороне брат. Кроме родственных связей, оба враждующих лагеря объединяют племенные обязательства. Информировать друг друга о всех готовящихся операциях. Но УНИТА ведёт диверсионную деятельность, запугивает гражданское население, что всё-таки настраивает общественное мнение против них. Так и на этот раз – многие ангольцы возмущены. Но УНИТА сильна дисциплиной и жестокой расправой с семьями предателей.

27 марта

В связи с карнавалом ввели парные патрули на ночь. Стояли вдвоём с часу до шести утра. Всю ночь шёл непрерывный нудный мельчайший дождь. Под открытым небом было ощущение, что стоишь в клубящейся водяной взвеси. Под деревьями она превращалась в большие тёплые капли, норовящие упасть за шиворот. Бледные ящерицы с большими чёрными глазами всю ночь попадались на стенах и столбах.

Впервые услышал стрельбу в городе. Стреляют каждую ночь, но мы во сне не слышим. Из-за этой редкой стрельбы патруль приобрёл хоть какой-то смысл. Даже не очень хотелось спать. Дважды загоняли патроны в патронники и, выглядывая тихонько из-за углов на перекрёстках, быстрым шагом шли по главной аллее к входным воротам, потому что стреляли, казалось, прямо около них. Это за соседним зданием кто-то стрелял из ракетницы.

Один из постоянных атрибутов города – белые цапли. Они совсем небольшие, значительно меньше патлатых куриц, с которыми вместе, хотя и с очень достойным при этом видом, копаются на помойках. Цапелки собираются в стаи, и их можно увидеть, чинно поднимающих тонкие длинные ножки и покачивающих гибкими шейками то на пляже, то в центре города на пустырях, то – что самое удивительное – густо облепившими какое-нибудь дерево и торчащими, как белые свечки на каштане. Когда цапля летит, то кажется, что это птица задом наперёд. Вместо длинной шеи длинные ноги, вместо хвоста клюв над втрое сложенной шеей, бодро машет крыльями, а летит наоборот. В отличие от больших привычных цапель, которые машут крыльями медленно и тяжело, планируют, где только можно, эти летают быстро и подвижно, закладывают крутые дуги.

Стаи цапель здесь так же часты, как в Москве стаи ворон. Не часто увидишь, но и не успеваешь забыть, что они есть.

1 апреля

Я всегда считал работу переводчика очень трудной, со сложной спецификой, и сопряжённой с ответственностью. За время службы в Потти и здесь, понял, что она ещё и тяжела физически. Два часа непрерывного, даже не синхронно-

го перевода, способны превратить мозги в горячую мокрую вату.

Однако, в профессии переводчика (хотя сами переводчики утверждают с горечью осознания, что перевод – это не профессия) есть одна важная особенность, которая для большинства людей со стороны и определяет её восприятие.

Эта профессия – подсобная, вторичная, вспомогательная. Это накладывает ограничения и на профессиональные приёмы переводчиков (у достигших высокого класса они очень и очень разнообразны, глубоки, не лишены знания психологии), и на их поведение – они зависимы. Переводчик может прекрасно знать язык и быть отличным стилистом, но все свои знания он волен применить лишь в узеньком русле представленных ему к переводу текстов или слышимых фраз. Любой приличный переводчик стремится улучшить стилистику и углубить смысл переводимого. Он хоть всего лишь и помощник, но очень важный и нужный. В некоторых отношениях – бесценный. Но его зависимость от фраз, которые он должен переводить, даже если они глупы и грубы, а главное, его «пристёгнутость» к человеку или группе, к тем, кого он переводит, в глазах некоторых людей (прежде всего – недостаточно культурно развитых) низводит его до уровня некой прислуги.

Особенно эта манера свойственна среде военных. Здесь, в Луанде, переводчики ещё и самые молодые, а значит, и самые младшие по званию. В основном тут полковники, под-

полковники, меньше майоры. А переводят – младшие, лейтенанты и старшие лейтенанты. То есть для остальных – сынки, мальчишки, ничто.

Для военного «пристёгнутый» к нему переводчик – не только подчинённый, но и что-то вроде денщика. Наш референт пытался заставить меня провести профилактику его машины: зачистить клеммы аккумулятора, смазать вазелином, почистить, протереть, промыть внутренности. И всё это говорилось как ни в чём не бывало. Пришлось сказать, что я ничего в этом не понимаю и смогу сделать, если он будет стоять рядом и руководить. Отстал, это в его планы не входило. Других переводчиков заставляют что-то таскать, переносить, доставать, работать в нерабочее время. И даже если кто-то из советников или спецов бережёт своего переводчика, не даёт его другим, говорит что-нибудь типа «со мной никого не бойся», – всё это имеет форму барской заботы.

Все переводчики, живущие в миссии, по приказу ГВС (Главного военного советника) обязаны по очереди по утрам, до прихода ангольцев-уборщиков (у них рабочий день с 8-00, и раньше их не заставишь прийти) подметать аллеи и собирать мусор в кучи (по воскресеньям самим и их убирать), чтобы к разводу начальство могло пройти по аллеям, уже чистым от листьев акаций и манго. Причём часть аллей подметают солдаты срочной службы. Где так называемая забота о престиже офицера? Солдат и офицер рядом с мётлами, в поту. Я согласен мести эти аллеи (хотя и считаю, что

можно обязать это делать ангольцев, которым за это и деньги платят), но почему не сделать так: один день всё метут солдаты, другой – офицеры-переводчики. А то как-то на словах да в уродливых формах проявляется пресловутая забота о престиже. Кстати, негр не будет никогда уважать человека, который выполняет за него его работу. Он этого не понимает и расценивает как проявление слабости.

* * *

Любопытные повязки у дежурных, перенятые, видимо, у ангольцев (а те – у португальцев). В соответствии с тропическим климатом. Так как форменные рубашки – с короткими рукавами, да в придачу ещё и жара, то повязку на руку не повяжешь. Здесь используются кожаные цилиндры, которые крепятся ремешком, пропущенным под погончиком рубашки. Рука похожа на ложку в стакане. Или как будто кожаный манжет одели выше локтя.

14 апреля

Наконец-то произошли долгожданные сдвиги, и моё положение стало определяться. Долго я искал случая поговорить с начальством о своих планах и поговорил. В результате закончилась моя опостылевшая за месяц жизнь мальчика на подхвате, и я направлен в воюющий 5-й округ. В бригаду, которая хоть и боевая, но печально известная тем, что во вре-

мя последней агрессии побежала, оставив позиции и тяжёлую технику. Произошло это по двум причинам: во-первых, долбили их, конечно, сильно, а во-вторых, первыми позорно покинули расположение несколько советских советников, что и послужило причиной панического стокилометрового бегства по мате.

Пока, в ожидании самолёта, живу в военной миссии в столице округа – Лубанго. Место во многих отношениях примечательное, для Африки необычное. Город расположен в котловине на высоте 1.700 м. Чистейший воздух, пейзаж самый что ни на есть Крымский или Северокавказский: невысокие плавные горы, зелено, кипарисы, эвкалипты, по вечерам в это время года прохладно и покойно, звёзды огромны и близки.

На краю плоской горы, нависающей над городом, стоит высокая статуя монаха в виде белого креста. В последнюю агрессию от этого креста на бомбёжку города заходили ЮА-Ровские самолёты. Теперь вокруг монаха наши радиоантенны и система ПВО. А он всё стоит, не устав держать вытянутые руки. Насчитал здесь уже пять христианских храмов, в основном модерн. Город красив, кое-где даже изящен, по сравнению с Луандой чист и зелен. Повсюду вдоль улиц деревья с огромными красными цветами. Их можно считать символом города, так их много, и так они обильно-красивы.

Лубанго в прошлом (недалёком) был крупнейшим курортным центром Анголы и местом проведения роскошных

ярмарок всей Южной Африки. Здесь много отелей, роскошных вилл, чудесных парков, признаков колониального вкуса. Говорят, что до революции в город (за исключением прислуги и обслуживающего персонала) негров привозили только по ночам для уборки улиц и чистки города. Но за последние годы Лубанго, как и другие ангольские города, оброс, как коростой, районами убогих глинобитных домишек. Асфальтированные улицы изнасились, покрылись ямами, езда на машине стала нелёгким цирковым номером. Эти дыры здесь попросту засыпают глиной. Через несколько дождей на месте таких заплат те же самые колдобины.

Вокруг Лубанго и в городе живёт племя мамуилов. Оно известно тем, что до сих пор ходят полуобнажёнными. У женщин какие-то вязаные плавки, увешанный цветными тряпочками голый верх, на шеях множество бус. В зимний период заматываются в длинные куски материи. Волосы сплетены, как правило, в две косы, смазанные какой-то мазью, в состав которой, говорят, входит коровий помёт. Носят на головах невероятные тяжести. Фигуры, как у большинства негров, стройные, широкоплечие. У мамуилов заметно приплюснутые носы. Охотятся до сих пор луком со стрелами.

В округе много УНИТы, но мамуилы не относятся к их почитателям. В городе спокойно, хотя по ночам иногда постреливают, но это здесь естественно и не вызывает испуга даже у наших женщин.

Ездили сегодня на водопады в 30 км от Лубанго. Ехали

колонной из УАЗиков, Урала и ГАЗ-66, половину дороги – по краснозёмному просёлку. Речушка небольшая, ручеёк даже. Каскад упрятанных в кустах каменистых водопадов, в промоинах под которыми можно покупаться, вода ледяная и прозрачная. Я полез наверх, к истокам. Было страшновато. первое вступление в африканскую природу, опасность неведомого, змей, чего-то недоброго, напряжённое ожидание выпрыгивающего из-за куста или с дерева унитовца. Но толкающее вперёд, через страх и (буквально) через колючие, пристающие до крови кустарники желание найти и сфотографировать дикий и спокойный в своей красоте водопадик. Пот, кровь и страхи закончились укромным водопадом где-то под самой вершиной скалистого холма, под которым, образуя кромку ската воды, лежал толстенный чёрный, кажущийся в воде новеньким и блестящим, прозаический шланг, уходящий куда-то в кусты. Бредя вниз по другой тропинке, нашёл какие-то бетонные хранилища-кубы, вкопанные в землю. Эх, дикая природа Африки, где же ты?

Фотографировал большую разноцветную ящерицу. Подпустила сантиметров на 80. Потом убежала и смотрела издалека, вытянув шею и часто закидывая вверх и назад голову, как бы спрашивая: ну что тебе? ну что тебе?

17 апреля. Ладонка в тумане

Ранним утром, возвращаясь из штаба округа, куда ездил по обязанности дежурного переводчика узнать, не началась

ли за ночь агрессия, я был заворожён открывшейся мне с возвышения дороги картиной.

...Город лежит в неглубокой чаше, до краёв наполненной, вернее переполненной прозрачайшим, чуть подсиненным прохладным горным воздухом. А на самом дне чаши, паря среди домов и стремясь выбраться по пологим склонам холмов, но бессильный оторваться от деревьев с огромными красными цветами, растущих вдоль разбегающихся снизу вверх прямых улиц – уже оттолкнувшийся от земли, но давимый звенящим чистым холодным небом – легко умирает жёлто-голубой солнечный туман. Ласково обнимая дома и деревья, он в то же время капризно не желает соприкасаться с человеком, обесцвечиваясь и внезапно оказываясь далеко-далеко от моей машины. Вон же он – впереди, по сторонам, изящно нежится сзади. Туман кругом, и я должен бы раздвигать его лобовым стеклом, но он отказывается принять меня в себя, машина несётся в свободном пучке солнечного света, весело посвистывая через приоткрытые окна совершенно прозрачным воздухом. И совсем нет обиды на так и не подпустивший, не лизнувший меня нежный туман, исчезающий в последнем преддневном вдохе города. На тротуарах начали появляться стройные негры и негритянки с искрящейся в осязаемой чистоте умирающего тумана кожей. Иногда вдруг расцветает на чёрном фоне поднятой в приветствии руки розовая ладонь, блеснёт и опять нырнёт в туман невероятно белозубая улыбка.

И душа с тихим ликованием отвечает утру струящейся наружу чистотой, которая без усилия смешивается с чистотой всего вокруг, и кажется, что ничего не может быть плохого, и не было никогда, и хочется скорее сделать что-нибудь умное, доброе и нужное.

19 апреля

«Итак, я кончил излагать первый вопрос лекции. Теперь, если вы разрешите и даже если не разрешите, приступим ко второму вопросу...»

23 апреля

«Объявление. 25-го в 17–00 состоится собрание физкультурной организации 5-го ВО. Повестка дня: «Твоя активная жизненная позиция в период выполнения интернационального долга». Докладчик:.....»

24 апреля

Когда мы, трое переводчиков, посланные в 5-й ВО из Луанды, с утра не еввшие, вытрясенные и оглоушенные полётом в военно-транспортном самолёте, почти не спавшие в предыдущую ночь, добрались уже в сумерках, наконец, до советской военной миссии в г. Лубанго, то нас, не разместив, не поставив на довольствие, не устроив наши вещи, первым делом заставили таскать какой-то здоровенный, тяжеленный промышленный вентилятор по закоулкам незнакомого нам

двора миссии. Негры-охранники сонно наблюдали за нами. Болела голова.

* * *

Чтобы выехать на машине с территории миссии, необходимо запланировать машину вечером предыдущего дня. Помимо этого, нужно ещё разрешение старшего группы СВ-СиС (советских военных советников и специалистов), его подпись. Старший с шумом снял как-то с дежурства оперативного дежурного – пожилого подполковника – за то, что тот выпустил утром в воскресенье запланированную машину, но без его, старшего, подписи. На этой машине в Намиб, к океану, куда уже больше года не возят на воскресный отдых живущих в Лубанго советских, уехал купаться особист. Приехал вечером, поздоровался со старшим. При нас ему не было сказано ни единого слова неудовольствия.

* * *

Два раза в неделю в 17–00 – занятия по физподготовке. Перед началом – построение, проверка, долгое выяснение причин не полного присутствия личного состава, команда: «Приступить к разминке!» Те, кто помоложе, делятся на две команды и играют в волейбол при участии очень любяще-

го эту игру старшего группы СВСиС. 2–3 человека играют в бадминтон, на одной доске играют в шахматы. Если старший уходит, волейбол разваливается, все потихоньку расползаются по комнатам. Шахматисты сидят до темноты и в темноте.

29 апреля

Сегодня наконец-то свершилось: я в бригаде. Неужели, наконец, смогу пустить корешки, прижиться, приработаться? До Тешамутете летел около двух часов на вертолёте. Перед взлётом, при разгоне винта, вертолёт слегка раскачивается с боку на бок, как будто переминается с ноги на ногу, прежде чем оттолкнуться. Вертолёт боевой, с заряженными подвесками, кажется, НУРСы. Летели с открытой дверью и окнами, сквозило, даже было немножко холодно, но зато не так сильно било по ушам. Минут через 15 полёта закончилась освоенная зона и пошла сплошная мелкорослая мата. С километровой высоты поверхность земли похожа на серо-зелёно-грязножёлтую крупнозернистую наждачную бумагу с пролысинами. Ярко-зелёного цвета нет, только чуть-чуть на маленьких редких болотцах.

Встречать вертолёт выбежал почти весь негритянский посёлок. Живут в круглых кимбах. Белый посёлок – одноэтажные коттеджи, геометрически расчерченные краснозёмные улицы, есть даже бассейны, но без воды. Здесь раньше жили специалисты бывшего здесь рудника, белые. На красно-розовой горе, главенствующей над местностью и озером у подно-

жия, видны крупные отвалы. Добывали, кажется, руду Красиво и чисто.

* * *

Каждый вечер, когда мы смотрели кино на крыше миссии в Лубанго, обязательно недалеко летели в чёрное небо трассирующие пули. Одна, две, целые веерные очереди. Сначала пролетают красные светляки, потом уже доносится звук выстрелов. ФАПловцы балуются. Женщины даже не возбуждаются и не пугаются, но ощущение не из приятных.

4 мая

Привыкаю, обживаюсь, вхожу в сложные отношения маленького, отрезанного от всех коллектива, работаю, устаю. Жизнь ещё взвешенная и несформировавшаяся, как пыль на просёлочной дороге. Народ здесь сугубо военный: служат все подолгу в СА, уже прочно зацементировались.

Мои основные обязанности: естественно, перевод кому что нужно весь рабочий день, а кроме того – рация. Выход на связь 3 раза в день, как раз во время приёма пищи, так что я почти всё время опаздываю к столу. Надо зашифровывать и расшифровывать радиограммы.

Говорить по связи можно только по-португальски, цифры называть только порядковые. Первые разы рука немела, сжимаемая тангенту, теперь освоился.

Грязь в моём новом жилище была чисто африканская: на стенах, потолке, по углам, на окнах – паутина. Пауки разных калибров, не стесняясь, шныряют по стенам. Всё выгребал, выметал, вымывал. В моём управлении также аптечка, где есть, кажется, всё, кроме того, что нужно, и сейф без ключа.

Кроме того, в моей комнате: стол, вернее детская школьная парта, за которую, пока не отвинтил спинку, не мог даже сесть; на этом столе рация, 4 гранаты, всякая мелочь, «Вальтер» с двумя обоймами, висит мой десантный автомат, стоят ещё два с деревянными прикладами, на антресоли ящик с гранатами и почти полный цинк патрон к автоматам. Можно выдержать осаду.

При нас живёт разная живность: три обезьяны, которые прыгают сами по себе, без привязи, но не уходят, попугай «Замполит» с подрезанными крыльями, ленивый и добрый, собака Машка, кошка Мурка, поросёнок. Есть огород. Воду возят из озера. Жить очень даже можно и хочется.

5 мая

Сегодня, когда я спал после ночного дежурства, прихватывая уже неположенное время, сладко и без задних ног, в мою комнату ворвался старший, крикнул: «Иван, подъём! Тревога!» и исчез. Ещё не прочухавшись, вколачивая ноги в высокие ботинки и чертыхаясь, что это ему пришло в голову так суетиться, я услышал орудейную пальбу, 3–5 залпов. Вернее, сначала-то я решил, что это рвутся гранаты пря-

мо в посёлке. И почему-то веселясь от того, что я выбежал из дома с автоматом (успев положить в карман брюк «Вальтер» и обойму), но с расстёгнутой ширинкой и кителем навыпуск, я столкнулся на улице с неподдельной суетой. Анголане-охранники торопились с автоматами, грудными подсумками, вещмешками к углу двора, где уже стояли наши советники, тоже приводившие себя в порядок, все как один прилаживая к ремням фляги, ругаясь и посматривая в ту сторону, где только что шла пальба. Там же рядом было открытое убежище, по колено заполненное дождевой водой, в котором укрылась жена комбрига с двумя детьми. Никто пока не мог сказать, что произошло. Решили, что стреляли по бригаде из орудий. Бригадный дивизион дал ответный залп. Старший угнал на машине с комбригом в передовой батальон.

Ожидая известий, советники начали горячо обсуждать необходимость отрыть более надёжные укрытия, а также постоянно носить при себе перевязочные пакеты. На укрытия захотели разобрать даже только что сделанную, с большими волнениями и радостными усилиями, городошную площадку – прочные небольшие бетонные плиты. Сразу вспомнили одного недавно уехавшего офицера. Над ним посмеивались, что он в одиночку отрывал укрытие (сейчас в нём укрывалась женщина с детьми). Теперь же все заговорили о нём с уважением.

Позднее оказалось, что стреляли не по бригаде, а – из миномётов и гранатомётов – по колонне, которая вышла утром.

Видимо, засада. Мы сели праздновать, и все забыли, что только что обещали в кровь стереть руки, отрывая укрытия полного профиля.

* * *

В районе боя, в 14 км от Кувелаи, в 46 от нас (а слышно было, как будто рядом) нашли две сожженные машины – ЗИЛ и УАЗ. Позднее выяснилось: трое убитых (один солдат, женщина и ребёнок), три тяжелораненых, офицер сегуранса пропал без вести (всего ехало 9-10 человек).

Присутствовал при разговоре старшего с комбригом-анголянином. Старший уговаривал его не бить солдат на людях. Идея такова: бить можно и нужно, но в углу, чтоб никто не видел, а ещё лучше давать приказ бить другим – сегурансе, например, – а потом подходить, узнавать, в чём дело, то есть быть для всех хорошим, чтобы не выстрелили в спину, да и чтоб гражданские не видели расправ. Наш щупленький старший рассказал, как за ним по танкодрому, когда он был ещё капитаном, гонялся солдат на танке, хотел раздавить. Он его потом ещё хорошенько избил, но и решил на этом завязать с битьём.

14 мая

Сделали, наконец, себе убежище. До этого каждый день наша гварда рыла рефужу на участке наших домов. Но там

всё время выступала вода, почва – мелкие камушки, перемешанные со светлой глиной.

Сегодня старший договорился, и к нам пришёл бульдозер «Suzuki» или «Kamatzu» и за полчаса вырыл отличный ров. Потом перетащил найденный нами в 1,5 км от дома, около кимб посёлка куаньяма, корпус бронетранспортёра. Зарыли его, теперь вычистить всё внутри, и можно играть в шашки во время любого арт- или авианалёта.

* * *

Черви здесь проблема. Гварда, когда ей приказывают, умудряется накопать десятка полтора, но они тоненькие, как ниточки. Наш навозный червь по сравнению с местным – просто анаконда.

* * *

В посёлке куаньяма костёр горит прямо в кимбе. Дым выходит через солому, покрывающую её сверху, и через щели между круглым корпусом этого шалаша и кровлей.

* * *

В саванне и мате здесь травы по колено, по грудь, места-

ми выше человеческого роста. Во дворах же её не увидишь. Голая красновато-серая земля, как на спортивной площадке. Может быть, специально вырывают её.

Сейчас время созревания трав. Это настоящее бедствие. Если пройти по ней в кедах и носках, и не в ФАПЛе, а в трико, то потом каждое движение будет неприятным из-за зудящего покалывания сотен острейших семян с цепкими же ниточками. По полчаса потом дома уходит на выдёргивание их из одежды.

* * *

Мой приятель, начальник штаба бригады, избил солдата. Самого битья я не видел, но услышал разговор наших офицеров: «Что это за боец там лежит?» – «Да начштаба сейчас бил», и обратил внимание на лежащего, как оказалось, без сознания солдата. Это здесь, видимо, в порядке вещей, никто из других солдат и не думал вздохнуть или возмущаться – дисциплина.

Аугушто небольшого роста, худенький кимбунду с маленьким, тонким, немного курносый носом и печальными глазами.

24 мая

После обеда все наши курят в кимбе перед входом и быстро расходятся спать. А вот после ужина рассаживаются (у

каждого есть свое место, ящик, скамеечка) и начинают бол-
тать.

Бабочки и вертолёт

Вот так позорно и закончился бой. Уже несколько минут тишины и полного оцепенения. Ненасытное гудение мух, живущих нашим грязным войском.

Повылазили из люков на броню, мокрые до трусов, закурили. Я и Борис бросили фляги с водой вниз, в любимый БТР, чтобы старший помыл задницу и переоделся. Семёныч потом приберёт. Гаврилов отстегнул свою флягу, плюнул и пристегнул назад.

Спрыгнули на траву, в тенёк, ближе к земле: ощущение опасности не отпускало.

Серёга выглянул из левого переднего люка:

– Триплекс заклинило, командиры! Будете теперь из башни мне подсказывать: «Налево, Серёженька, а вот сейчас, пожалуйста, направо».

Этот жилистый парень, майор с жестоким взглядом, встав по пояс в люке, посмотрел на солнце, зажмурился и со всей силы ударил кулаком по нашему защитнику-дому. Зелёная майка аж черная от пота. Упёрся ладонями в горячую броню, выругался и, как всегда лихо, перевернувшись через голову, прочно встал на землю. Шутник...

Замполит возник вроде бы ниоткуда и, как за ним водилось, не глядя никому в глаза, завздыхал.

Семёныч, прищемив ноздрю, очень по родному сморк-

нулся. Негритята нехотя начали поднимать и перетаскивать ближе к дороге раненых, в основном – контуженых.

Сучок хрустнул метрах в трёхстах.

После гула боя, когда уши ещё болят, а глаза слезятся, такой звук неожиданно сильно слышен.

Бабочки уже опять плавно и густо рассаживались по кустам, а тяжёлая пуля ударила в Борю под левым глазом, разорвала на вылете правое ухо и звонко щёлкнула о броню.

Не сучок, оказалось, хрустнул.

Красавец-молдаванин не упал сразу, а начал складываться. Руки вытянулись вдоль тела и оказались длиннее, чем нужно, потом подогнулись колени и стали расходиться в стороны, скривилась спина... из губ выпала дымящаяся сигарета.

Серёга животом по броне метнулся назад в люк, ногой откинул старшего и запустил левый движок. Борька ещё только ткнулся лбом в красную землю и стал заваливаться в жёсткую жёлтую траву, а сизый дым уже с рёвом рванул вверх.

Гаврилов, согнувшись пополам, коленями ко лбу, вскочил в бронетранспортёр. Башня начала разворачиваться влево, к деревьям.

В рёве мощного мотора я, прижимаясь к дрожащей земле, всё равно услышал, как прищёлкнулся к огромному пулемёту короб с патронами.

Сине-белые бабочки опять взлетели, будто снег пошёл снизу вверх.

В клубах дыма за кормой БТР побежали пять или шесть негрят нашей охраны.

Все сто пуль, каждая толще пальца, легли длинными очередями на небольшом расстоянии, где мог быть снайпер. Деревья, треска корой и ветвями, валились, как скошенная трава. Гулко плюнули два миномёта с нашей стороны, мы опять залегли – очень уж близко. Мины противно, как зубная боль, вымотали саксофонным надрывом нервы, разорвались. БТР, проломив кусты, уже был под деревьями, метрах в трёхстах. Негритята сильно отстали.

Замполит накрыл своей гимнастёркой Борину голову. У меня раскрошился зуб и заболело левое колено. От страха, что ли?

Подняв тучи бабочек, совсем беззвучно, как показалось, вернулся бронетранспортёр. Сзади, за башней, два негритёнка придерживали труп снайпера. Белый. По обмундированию – «Дикий Гусь». Достойного противника прибрали. Пуля калибра четырнадцать и пять десятых миллиметра разворотила ему таз. Кровь тонкими нитями стекала по вибрирующей броне на третье колесо и исчезала в поднятой пыли краснозёма.

Ствол пулемёта чуть заметно дымился сквозь овальные отверстия чёрного стального кожуха.

Гаврилов вылез из люка, соскользнул боком на землю и спрятал руки за спину. Серёга сунулся было наружу и опять исчез внутри бронетранспортёра. Не шутилось... Столько

уже все вместе, и вот потеряли первого «нашего», родного до запаха. А в боевом отсеке лежал обгаженный старший, покрытый густым липким потом смертельной трусости.

Кто-то несильно ущипнул меня выше локтя. Обернулся, ещё не уняв дрожь в колене.

По тёмному оттенку кожи, почти чёрному – овим-бунду... Нос расплющен... виски седые... капитан... глаза ласковые...

Мне стремительно становилось плохо.

Он сжал ворот моей майки под горлом и тряхнул. Не очень резко... Жоануш... Начальник штаба бригады. Ростом мне по грудь. Я положил локти ему на плечи, выдохнул, обнял... и пришёл в себя.

– Ассессор, у вас нога в крови, – он освободился от моих рук. – Иван, переведи своим – бригада осталась без воды.

Я ещё раз обернулся к дороге.

На асфальте догорали все наши пять бензовозов.

Три чёрно-жёлтых, рвущихся в небо, факела впереди. За ними две расстрелянные цистерны, вокруг которых бегали негритята с флягами, котелками и кастрюлями – это утекающая вода. Два полыхающих столба огня в конце колонны. Ни воды, ни горючего. И ещё три гигантские воронки, раскиданные на десятки метров колёса, моторы, обугленные доски, вырванные с корнями тлеющие деревья и кусты. Значит, и без боеприпасов. Вот почему ушито так болят. И тошнотворный запах горячей плоти.

Артиллерийская засада со снайперами вокруг. Когда-то я о таком слышал. В позапрошлой жизни.

...Ехавший первым, огромный КРАЗ подорвался на противотанковой мине, когда я ещё сидел в наушниках на броне, свесив ноги в люк и слушая плеер: была моя очередь на музыку. Взрыва не услышал, почувствовал, что земля колыхнулась. Поднял глаза и увидел – впереди, примерно в полукилометре – летящее в небо огромное колесо. Такое по два-три человека устанавливают на ось машины.

Взлетело метров на пятьдесят. Эти драгоценные тяжёлые грузовики недавно придумали ставить в голове колонны. Просто колёса кабины не под водителем, а впереди: при подрыве он будет ранен, контужен, но почти наверняка – жив.

После первого взрыва боевые машины пехоты вяло сползли с насыпи дороги, блестя зелёной бронёй, начали утюжить гусеницами кусты, поднимая облачка бабочек. И остались целы.

«Кентроны» ударили в начало колонны и в её конец.

И ведь будто наводчик среди нас сидел! Войско растянулось километров на пять, а реактивные снаряды рвались вокруг цистерн с горючим.

Гигантская масса металла остановилась. Пятнистая человеческая масса бросилась в стороны от асфальта, ломая телами цветущие заросли, втираясь всем существом в жёсткую землю, сжимая в ладонях сухую траву...

Снайперы, из пулемётов и винтовок не давая нашим солдатам подняться, выпустили из цистерн почти всю воду и тремя выстрелами из гранатомётов подорвали машины с боеприпасами.

Расправа заняла минут девять...

Наконец, стихло. Бойцы отлежались. Тихо переговариваясь, ощупывая себя, поднялись. Побрели через кусты с обугленными бабочками к уцелевшим грузовикам, подбирая своих.

И вот тогда перезаряженные «Кентроны» ударили вторым залпом – в середину колонны.

Врезали нам по самое горло. Люди валялись десятками. Высокая трава опять полыхнула, кусты затрещали в огне, раненые вопили...

У реактивной установки «Кентрон» всего лишь шесть стволов, работали по нам две установки, сделали два залпа. Значит, только двадцать четыре ракеты. Каждая весит тридцать семь килограммов. Унитовцы все грузы переносят пешком на себе. Снаряды тащили километров двести по два человека на штуку, ещё человек по десять на каждую, катили пусковые установки. Разведка, радиостанции, провиант...

«Диких Гусей» было не больше десяти – они десантировались, всё спланировали, сделали свою часть работы и первыми ушли, оставив одного прикрывающего.

Вот те на! Получается – всего лишь рота оборванных по-

луголодных ребят остановила тяжёлую пехотную бригаду с десятью бронированными боевыми машинами пехоты, лучшими в мире, батареей 122-миллиметровых гаубиц, бьющих снарядами почти с меня весом на 17 километров, дивизионом реактивных установок «Град», выстреливающим по 60 ракет, в два раза мощнее, чем у «Кентрона», за один залп, полусотней грузовиков, десятками вездеходных УАЗов, а главное – с двумя с половиной тысячами бойцов (ну, уже человек на триста меньше)... А ещё один убитый белый военный советник и другой, повредившийся умом.

Это был разгром...

Жоануш скользнул ладонью по моей бритой голове. Погладил, что ли? А где фуражка?

– Иван, вон идёт комбриг, будет спрашивать у ваших совета. Скажи своим, чтобы приказали бросить всё ненужное и гнали бригаду вперёд по этому асфальту. До реки ещё сорок-пятьдесят километров. Без воды погибнем. Дня два-три, не больше... Сейчас пришлю Лушту. У вас осколок мины в ноге.

Иван по-португальски как раз Жоануш. Тёзки, стало быть.

И тут опять ударило по ушам – прямо над дорогой, на высоте пятьдесят-семьдесят метров, чтобы «Стингерами» по ним не успели прицелиться, промчались два наших МИГа. Я увидел короткое бордово-голубое пламя в их хвостовых соплах, почувствовалось, как лицо обдало жаром. Какое же

это счастье – поверить, что нас прикрывают!

Первый, ревя турбиной, ушёл влево, второй, почти не слышно, свернул направо.

И вот рванули слева две двухсотпятидесятикилограммовые бомбы. Земля дрогнула. С колёс нашего БТРа посыпалась краснозёмная крошка.

Нашёл, значит.

Второй МИГ развернулся, и минут через десять нас опять тряхнуло.

Когда подбежал Лушту, единственный врач нашего бригадного госпиталя, я уже распорол штанину и прижимал тампоном из ранпocketsa глубокую, до кости, ссадину от осколка мины нашего же миномёта. С Лушту я дружил, его в бригаде называли колдуном. Мы знали, что он часто ходит за линию охранения собирать лечебные травы, а заодно подлечивать и унитовцев. Я обрадовался, увидев его, но мне стало стыдно, что такого человека прислали ко мне из-за чепухи, когда у него было уже несколько десятков по-настоящему раненых. Он отрезал-таки мне штанину, стремительно сделал прекрасную прочную повязку, левую ладонь положил мне на затылок, правым кулаком упёрся в мой лоб, упруго сжал, колдун-банту, улыбнулся, прокричал:

– Жоануш, Ва-а-ня, всё будет хорошо!

И побежал назад к своим раненым.

И тут подлетели «Алуэты», сразу три. Они грохочущими пропеллерами втирали оставшихся на поле боя бабочек в

траву и землю. Как же спокойно стало на душе. Вертолёты – это надёжная поддержка. Не наши здоровенные, которые неуправляемыми реактивными снарядами наведут бестолковой жути и подставят свои беззащитные бока под «Стингеры», а вот такие – маленькие, вертлявые, умеющие летать и хвостом вперёд, и боком к земле, и пузом назад, и между деревьями.

Зависли над нами, метрах в двадцати, опять разрывая уши – треском двигателей. С обоих бортов торчат крупнокалиберные пулемёты. Пилот первой машины задрал вверх хвостовой винт, потом, прижав руку к горлу, к переговорному устройству, что-то прокричал, обернувшись в боевой отсек, ещё чуть спустился, и через пару секунд в низко повисшей над нами выпуклой пластиковой сфере я увидел лица и пилота, и стрелка. Винт обдавал нас струями жаркого воздуха, жёсткой колючей травой, ветками, царапающей пылью красной земли, но вертолётчики смотрели именно на нас, белых, и не поднимались выше. Повернулись лицами друг к другу о чём-то переговорили через шлемофоны, захохотали, как дети, и оба начали махать руками и тыкать пальцами – мне!

Два других борта, обогнув слева и справа первую машину, пошли вперёд, над горячей колонной.

Меня подташнивало, противно саднило ногу, вокруг воляно гарью и смертью. И вдруг я их узнал – да ведь с этими ребятами я летал, когда воевал на юге, в провинции Уила, против батальона «Буффало»!

Тогда этот самый пилот – хоть убей, не помню его имени, разрешил мне пострелять. Меня с оказией перекидывали из одной бригады в другую заменить переводчика, заболевшего желтухой, а их вертолёт как раз послали туда за каким-то важным пленным. Я впервые летел на «французской легенде», на заднем сиденье, пристёгнутый двумя ремнями безопасности. У боевых «Алуэтов» нет дверей, налево и направо торчат пулемёты, называются, правда, 20-миллиметровыми автоматическими пушками.

Кричать без шлемофона в грохоте двигателя бесполезно. Я начал стучать ногой по алюминиевому полу. Пилот как раз виртуозно проскочил между двумя высоченными эвкалиптами, от рёва двигателя и вихря винта с них посыпались отжившие уже своё потемневшие чешуйки, резко бросил машину вдоль склона холма вниз, к озеру, закрутил над головой кулаком, как футбольный болельщик и, видимо, почувствовав вибрацию пола, оглянулся. Я отдал ему честь, показал пальцем на пушку, задёргал руками, изображая, что стреляю: «Можно?»

Он что-то сказал через шлемофон стрелку. Тот резко обернулся крупноватым для «Алуэта» телом и засмеялся. Когда круглолицые негры смеются, это – белые зубы под белыми глазами и несколько морщинок. Правой рукой он открыл что-то под своим сиденьем и вытащил такой же жёсткий корсет от перегрузок, в которых были они сами.

Стрелок, я обратил на это внимание ещё на земле, пе-

ред самым взлётом проверил, как пристёгнут к пилотскому креслу командир, сильно дёрнув за перекрестие его ремней, а сам прищёлкнулся к толстому стальному тросу под потолком, когда машина уже была в воздухе. Теперь он прицепил к этому же тросу корсет для меня, сделал, упираясь в крышу и борт, два быстрых шажка и отстегнул мои ремни безопасности. Запеленал в гибкую броню, стянувшую тело от копчика до затылка, быстро и почти не больно, притом, что застёгивается эта полезная, но неудобная вещь – сзади. Всего-то повертел меня сильными ручищами влево – вправо, вдавил розовой ладонью мою голову в плечи, чем-то пощёлкал ещё возле шеи и в паху, опять прижал ремнями к жёсткой спинке: стрелять удобнее сидя.

Сам плюхнулся рядом, тоже пристегнулся ремнями. Лишнего шлемофона на борту не было. Проорал мне в ухо:

– Больше пяти-шести картушей за раз не выстреливай, «Птичку» будет задирать. Если командир идёт на вираж – ствол вниз, береги винт...

«Птичка»!

Мне показалось, что я весь вытек адреналином через носки и ботинки, под мышками и сквозь фуражку...

Пилот обрушил «Птичку» до самого зеркала реки Кунене и помчался в двух-пяти метрах над водой, слегка задрав хвостовой винт, нарезая на зелёно-бурой поверхности пенящиеся круги. Нам всё равно надо было ещё километров тридцать двигаться на восток, но правее, над саванной, а ребята

решили меня развлечь – вдоль реки. И ведь пушку дали по правому борту: солнце не било в глаза.

Умные цапли поднимались ещё вдалеке и, косо ложась на крыло, уходили белыми стаями над почти прозрачными, из-за опавших листьев, деревьями в стороны от реки, не дожидаясь приближения непонятного грохота. Утки же кувыркалились и расплющивались крыльями, целыми выводками, в поднимаемой пене.

Стрелок ткнул меня кулачищем в плечо – ну, давай!

И я дал... У такой пушки-пулемёта две ухватистых вертикальных ручки, обнимаешь их ладонями, а большими пальцами жмешь между ними. От сильного возбуждения я вовремя не снял пальцы со спускового механизма, «гашетки», будто цеплялся за орудие, как за последний шанс в жизни. Длинная очередь, сотрясая мне локти, шла вдоль густого тростника, швыряя воду, высокие стебли и листья на прибрежные кусты, и вдруг – зелени не стало, в дверь засвистело синенькое небо. Дымящиеся длинные гильзы, не попавшие в брезентовый гильзоприёмник, звонко катились по полу и падали за другой борт. Стрелок саданул локтём мне по рёбрам, короткой очередью своей пушки выровнял вертолёт и, хохоча, обернулся. Я зажал ладони между коленями. Он раскрыл перед моим носом пятерню, не розовой, а чёрной, тыльной стороной, и указательным пальцем другой кисти быстро погладил каждый ноготь:

– Пять! Не больше! Понял?

И начался у меня восторг: пять патронов я, пять – стрелок в другую дверь, вертолёт плавно покачивался, пилот, опять вертя кулаком одной руки над головой, другой удерживая ручку управления и, чётко двигая ступнями по педалям, плавно вписывался в повороты Кунене на предельно низкой высоте.

По моему борту, где-то в километре, под невысоким глинистым берегом показалось многочисленное семейство бегемотов. Стрелок потрепал меня по плечу и погрозил пальцем: «Нельзя!»

...И вот эти обожжённые войной от макушек до пяток, весёлые, добрые, безжалостные ребята, умеющие делать свою работу, зависли сейчас над нами, как ангелы-хранители.

Я, с отрезанной штаниной и перебинтованной ногой, отдал им честь, приложив ладонь к виску – без фуражки, не по Уставу...

Свидеться бы ещё... Согласен и на десять ударов локтём по рёбрам!

Лики гражданской войны

Как-то дозорная группа нашей пехотной бригады обнаружила в кустах трёх мальчишек 8-12 лет. Было это в июле, в самый разгар сухого сезона. Ангольцы эти месяцы, когда не то, что капли дождя, а и лёгкой тучки на небе не увидишь, называют сезоном колодца. Потому что озёра и мелкие реки пересыхают, и воду можно добыть только в глубине земли. Но надо знать, где есть эти источники.

Найденные мальчишки были при смерти из-за полного истощения. А ещё три месяца назад они гоняли в футбол тряпичным мячом, ходили в школу в своём посёлке.

Солдаты УНИТА захватили их в лесу недалеко от домов и увели к себе на базу. Таких мелких и крупных баз, наверное, тысячи по всей Анголе. На некоторых из них всего два-три десятка солдат, но их густая сеть позволяет терроризировать всю страну.

Правительственные войска – ФАПЛА – проводят против них операции, но унитовцы, как правило, рассеиваются при первых же выстрелах, исчезают в мате (лесу) и через несколько дней собираются в новом условленном месте. На крупных же базах есть аэродромы, системы противовоздушной обороны, госпитали, батальоны охраны.

Мальчишек продержали на небольшой базе, в страхе и впроголодь, три месяца. Об охране унитовцы не заботились:

бежать из незнакомой местности, идти по мате в сезон безводья – для детей верная смерть. И всё-таки маленькие узники решились.

Когда их нашли солдаты ФАПЛА, они уже восемь дней плутали по мате без еды и воды. У войны много трагических и безобразных ликов. Но страшнее вида детей, высосанных войной, невозможно что-либо представить.

Навсегда врезалась в память деталь, бросившаяся в глаза, как только я увидел этих черных призраков. Коленки. Показалось, что, помимо головы, это наиболее крупные части тела, так выделялись они, невероятно плоские и какие-то квадратные, на истончившихся до самых костей детских ногах. Широкие, будто с чужих – взрослых – ног, потрескавшиеся ступни. Струпья на исчезнувших икрах и бедрах. Печальные, безразличные ко всему глаза, с белым, спекшимся налётом в уголках. И просто потрясающее тряпье. То замызганное и бесформенное, что на них было, нельзя назвать даже лохмотьями. У самого маленького поверх чего-то невообразимо грязного и разошедшегося на отдельные нитки был надет воротник с сохранившимся кусочком ткани на груди. Когда-то это была рубашка в бело-розовую полоску.

У этого ещё не начавшего по-настоящему жить и уже, казалось, умершего человека была в руках единственная ценность беглецов: небольшая, сохранившая остатки рисунка, но сильно поржавевшая квадратная жестянка из-под консервов.

– Зачем это тебе, малыш? – спросил я, удивляясь, почему он, обессиленный, таскает её с собой.

– Чтобы пить, – прошелестел он.

– Так что же вы пили?

– Мочу...

С комиссаром бригады Таби мы повезли их в госпиталь. Таби распорядился, чтобы достали где угодно молока, не давали детям ничего солёного и пока не кормили, только поили. Я никогда не видел комиссара – боевого, обстрелянного, резкого офицера в таком подавленном и растерянном состоянии. Заметив моё удивление, Таби сказал тихо:

– Я в 15 лет был первым комсомольцем в посёлке Кувелай. Пришли унитовцы. Спрятался. Тогда они убили троих моих младших братьев. Я видел их мёртвыми. Им было столько же лет, как и этим.

Гражданская война.

В стране всего 650 врачей! То есть почти на 14 тысяч человек – один. Из них только 153 специалиста – ангольцы. Больше 80 % врачей работают в столице Луанде и лишь 17 % – по стране, в провинциях. Каждый пятый ребёнок умирает до пятилетнего возраста. К малярии относятся как к насморку. Вспыхнула эпидемия холеры. В сельской местности не найти ни одной таблетки.

Гражданская война.

Ангола, до получения независимости в 1975 году продававшая продукцию сельского хозяйства в соседние страны, теперь не в состоянии обеспечить и 10–12 % своих потребностей в продуктах питания. Полмиллиарда долларов из ничтожного национального дохода парализованной страны уходит на приобретение продовольствия за границей. Но и оно не идёт дальше городов, доставка его в сельскую местность – это бои, бои, бои на дорогах. Поэтому голод стал нормой.

Гражданская война.

Чем же обернулась для Народной Республики Ангола борьба за власть двух партий, борьба за различные формы ещё не построенного социализма?

Страна парализована.

Все дороги непроезжие. В любой провинции, какой бы относительно спокойной она ни считалась, каждая одиночная машина или мелкая колонна рискуют попасть в засаду. Такие машины обстреливают, сжигают. Всё ценное, прежде всего продукты, унитовцы уносят с собой, а с несчастными пассажирами – по обстоятельствам: или перебьют на месте или по «своим» лесным дорогам уведут на унитовскую территорию (провинция Куандо-Кубанго и часть провинции Мошику), где на учебных базах их научат стрелять и заставят воевать против правительства. У сожжённых на ангольских до-

рогах машин не остаётся живых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.